

1 место

☐ Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.

Но пока не начнешь видеть сны на чужом языке,
То не можешь назваться ни франком, ни готом, ни галлом.
Кто-то тихо прошел, не оставив следов на песке.
Кто-то тихо сказал, что великое – в малом.

1 / 9

На прозрачных боках изгибаются сосны и дюны.
Кто-то бродит с сетями по краю песчаной косы,
Кто-то смуглый и юный.

Время – то же, а небо и море как будто не те,
И прибой, полирующий скалы, уж слишком проворен.
Истончается свет. Колокольчик звенит в пустоте,
И пейзаж иллюзорен.

Вот на горб перевернутой лодки садится Рыбак
И катает на пальцах меж прочих балтийских диковин
Наши души размером с янтарь или старый пятак –
Просто гальку в ладони.

Запусти нас, Рыбак, поплясать на соленой воде;
Посчитаем круги – верно, будет не больше девятки.
Кто бы знал, что так тихо и солнечно в этом суде,
И прибой лижет пятки.

Но внезапно туманится взгляд, и сжимается грудь,
И волна обращается к слуху печальней и глуше.
Не хотят на балтийской воде ни плясать, ни тонуть
Невесомые души.

2 место

Конкурсное произведение [116. "Реальность, прощай!"](#)

Как же я оказался на чердаке?
Вот картонный ящик с грецкими орехами -
я зачерпываю пригоршню плодов
и высыпаю их обратно, словно крошечные черепки.
И смотрю сквозь окно на дождливое недружелюбное небо,
небо похоже на мрачного полицейского,
вызывающе жует зубочистки деревьев,
надвинуло козырек горизонта на самые глаза.
Что я здесь делаю?
Прислоняюсь лбом к холодному, точно стетоскоп, стеклу,
и с жадностью созерцаю
кусок еще теплого, еще не отброшенного мира
как ящерица, которая решила оглянуться на свой любимый хвостик,
прежде чем нажать на рычаг,
сократить необходимые мышцы. Реальность, прощай!
Что же я здесь делаю?
Медленно дотрагиваюсь языком до холодного стекла -
стекло горькое на вкус,

за годы пропиталось лунным светом.
Вот так устроена волшебная лампа Аладдина.
Но что я здесь делаю?
Время снежинками отслаивается от меня,
перхоть судьбы.
Я чувствую, как превращаюсь в воспоминание,
прошедшее застывает, словно холодец.
И бабочка, не испытав свободного полета,
вновь становится беспомощной куколкой,
узор морщится на крыльях и сворачивается, подобно вееру.
Еще мгновение и ничего, ничего не останется,
кроме отпечатка прохлады на лбу.
Лунная горечь во рту и пряный запах орехов...

3 место

Конкурсное произведение [87. "Last Post"](#)

Pro memoriam J.McCrae & A.Helmer

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы...

В. Жуковский

Копьями, бомбами, ядрами ли баллист –
мир добывает трупы. Боеприпасы
все подойдут. Какой бы артиллерист
соус ни выбрал, пушечным будет мясо.
Списки убитых в меню фронтовых газет
неукоснительно свежи; вот разве слабо
мелкий шрифт отпечатан, так их уж нет,
стоит ли чётче? Просто урок масштаба.

Азимутальной вилкой берёт буссоль
лакомый кус ландшафта. Обед военный.
Тихий пейзаж до нутра расцарапан вдоль
и поперёк резубцами наступлений.
Тишь на позициях – это всего лишь вдох
перед зевотой смерти. Окопный бруствер
так же не в силах полусырой горох
тел уберечь, как мир не спасти искусству.

Тонко жужжат названия: шрапнель, картечь,
виккерс. Затвердевает воздуха панцирь.
Ставит флажки на западе маршал Френч,

и на востоке гнётся над картой канцлер.
Планы – в штабных вагонах, а на земле
круг повседневности задан другим калибром.
Пули – крупней шмелей, а поля в желе
из человечины превращены под Ипром.

«Что вы не спите, Хелмер?» – «А вы, Мак-Крей?»
«Сыро в траншее, и, знаете, мучит астма.
Вот допишу стишок и пойду.» – «Ей-ей,
мне не уснуть. Мы все здесь вроде балласта.» –
«Вы ещё молоды, Хелмер, вам жить да жить,
а отдыхать положено по уставу.
Полно, ложитесь. Вот поумерим прыть
бошей, и вы вернётесь в свою Оттаву.»

В месиве грязи преют тела солдат.
Тише ходи, часовой, что оружием звякать...
Пологом плащ-палатки укрыл закат
спящую на полях человечью мякоть.
Ближе к рассвету с востока приходит хмарь
матовой тучей, насквозь проникая в фибры,
жёлтым удушьем вея... Не дым, не гарь –
облако цвета горчицы плывёт над Ипром.

Нет ни свинца, ни молний в одышке туч.
Значит – пора домой? Позабыть атаки,
взрывы, окопы, цензуры штабной сургуч?..
Странно качаясь, спят полевые маки.
Взводы хрипят, эскадроны несутся вскачь.
Полупрозрачной походкой неуставною
по облакам шагая, идёт трубач,
в небо летит и играет сигнал отбоя.

4 место

Конкурсное произведение [42. "Минц"](#)

Дед Головань спускается в погреб каждый вечер,
по скользкой лестнице еле ползет со свечкой.
Тётка Марго стоит наверху, причитает:
"Вот безмозглый, лестница скользкая и крутая.
Что там не видел? Всё ведь одно и то же.
Выжил совсем из ума, помилуй, Боже".

Тётка Марго целый день в огороде, в саду, на кухне.
От многих забот голова тёткина пухнет.

То надо варенье сварить, то морковку удобрить.
А дед Головань каждый вечер спускается в погреб

Инесса лежит, ни о чем не думает, кроме
глупых рисунков в своём альбоме.

А дед Головань спускается в погреб и плачет:
"Иначе... Всё могло быть иначе.
Минц, ты слышишь меня, мой Минц?
Мой розовый гиацинт".
Прислонится к стене головой и плачет:
"Иначе... Могло быть иначе.
На что я всю жизнь истратил,
дядел".
Стучит головой и знает, там за стеною цинк.
"Минц, минц, мой розовый гиацинт,
ты слышишь меня, ты слышишь?"
Но в погребе только скребутся мыши.

Девка не хочет помочь, вместо этого сутками
рисует цветы да птиц с бирюзовыми грудками.
С утра до вечера дед сидит на скамейке
в ватных штанах, порванной телогрейке.
Забор покосился, картошка опять не прополота,
а старый дурак ходит в погреб, как будто там спрятано золото,
даже помои вылить не хочет,
а только бормочет, бормочет...
Тётка Марго по-английски не знает ни слова,
услышит и думает: " Бредит бездельник снова".
"Oh my mints, oh my mints, oh my dream and my sickness...
Откликнись!"

5 место

Конкурсное произведение [192. "Стекольщик"](#)

Стекольщик зазнался, он даже не режет рук,
а мог бы для форсу немного подкрасить цены.
Его утомляет вот этот противный звук –
когда до субботы все окна в округе целы.
Как будто по будням на улицах нет камней
и в бязевых спальнях друг друга ревнуют редко...

Сама мастерская – без вывески, так видней;
чтоб дверь не ходила – придумана табуретка.
Внутри тесновато, но вклиниться удалось,

полсотни окурков радушно торчат из блюда,
стекольщик кивает, подходит, но смотрит – сквозь,
так мастерски смотрит, что хочется оглянуться.

6 место

Конкурсное произведение [195. "Случайное воспоминание"](#)

Дружба и пачка жвачек! Москва – Пхеньян!
Как примитивно всё было, но как душевно
Вовка дарил Серёге дырявый баян,
а тот ему – книжечку про Алтынай с Дюшеном.

Велосипеды общие, скутера –
как бутерброды, ей-богу. Почти вчера.

Если шагать что есть мочи в ногу со временем,
надо уметь, избегая внутреннего искрения,
в мышь превращаться, в кошку или в слона –
да чтобы смычка швов не была видна.
Всё утончённо-грамотно разделено.
Вовка попросит Серёгу дать хоть бревно
в долг до весны, футболку пообещав –
тот отморозится, зная цену вещам.
Времени не найдёт, чтобы горстка сушёной мяты
кухню наполнила духом семидесятых.

Мне не нужны продавленные сиденья
лодок, в рулоны свёрнутых на чердаках.
Даже подобный хлам нынче стоит денег.
Даже меконий породистого щенка.
Мне дозвониться бы в лес с огромными кронами:
к чёрту предупреждения и плевать на роуминг.
Там они оба ещё в пионерском тонузе
клады по высылкам ищут – то есть мне
можно в сумку сгребать Благинину и Чарушина
и, не спрашивая проктолога, дуть туда,
где лимонными ливнями музыка без стыда
в дворовую сирень с грозовых облаков обрушена.

Открываю глаза, но всё ещё в алой примуле
дырки в халате гремящей вилками клуши.
Вовка с Серёгой меня в свой отряд не приняли –
простите нелепый жест. Я хотел как лучше.

7 место

Конкурсное произведение [156. "Гойя"](#)

Гойя почти не видит, совсем не слышит.
Ветер седые пряди его колышет.
Сеяно хлебом последнее поле боя,
Но Гойя видит другое,
Совсем другое.

Поле накормит вдоволь, залечит раны.
Ветер пропитан запахом марципана.
Пекарь поет счастливую "Las tres hojas",
Но Гойя слышит другое,
Совсем другое.

Чтобы увидеть небо глазами птицы,
Нужно уснуть спокойно, а не забыться,
Вздрагивая от стонов больничных коек...
И просто не видеть Гойю,
Не слышать Гойю.

8 место

Конкурсное произведение [31. "Рая"](#)

А на девочке пижама в горошек.
У горошка легкомысленный вид.
Укрываю. Лёгкий чубчик ерошу.
Напеваю. Рая губки кривит.

За окном долдонит дождь-барабанщик.
Рая видит сны о самом простом.
Просыпается, оладушков клянит.
Говорю ей: «Спи, мой птенчик. Потом».

Утром тру для Раи фрукты с базара.
И оладушки даю. И чайку.
Рая просит: «А поставь Лесковара».
Что ж, пластинки с чердака волоку.

Но не слушает. Лепечет о папе,
об отце и о младенце с икон.
Я меняю ей слюнявчик и памперс
и в коляске вывожу на балкон.

Во дворе осенний свет. Клён желтеет.
Рая дремлет под рефрен Mamy Blue.

В феврале ей будет семьдесят девять.
Если Рая не умрёт к февралю.

9 место

Конкурсное произведение [7. "Да кому они песни глубоких рыб..."](#)

да кому они песни глубоких рыб
когда высохли дни и вокруг намиб
шарит в поисках смысла шарит
когда память пуста и прозрачный жар
протекает свободно сквозь крышки жабр
допотопных бесследных тварей

кто уловит над дюнами длинный звук
если сам себе каждый и слог и слух
если каждый где лучше ищет
между тем когда криком кричит пассат
рыбы что ни промолвят всегда смолчат
оттого их так поздно слышно

очутившись теперь в золотом нигде
мы с тобой говорим на живой воде
под осадком минут зыбучих
но при ветре другом и в часу другом
будто рыбы скелеты на свет всплывём
ускользнувшую жизнь озвучив

10 место

Конкурсное произведение [139. "На порубежье веры"](#)

На порубежье веры, на побережье слёз
волны швырнут на берег заданный им вопрос.
Волны не могут вспомнить то, чего нет нигде.
Камушки на ладони. Отблески на воде.

Нет больше лилий белых, плавает палый лист.
Там, где дрозды звенели, только борея свист.
Тот, кто услышать сможет голос без тени лжи,
выйдет к своим, но всё же в них обретёт чужих.

Жёлтый цветок к разлуке. Жёлчь, безнадёжность, боль.
Пижма, адонис, лютик, донник, желтофиоль –
много потомков солнца было в моём венке.
Тонкая радость рвётся. Не разделить ни с кем.

Лёгкость любима всеми. Пусть! Не предам тоску.
Бродит подросток-эмо. Кажется, это Скульд.
Что позабыла норна в стилом краю осин?
Ищет девица в чёрном брошенный Иггдрасиль.

Где же рука господня? Жажда горит огнём.
Стать бы водой холодной, стать бы реке роднѐй,
нянчить ручьи и ливни, стебли подводных трав.
Только мне слишком длинен гибкий речной рукав.

Надо вернуться к людям, надо идти на свет.
Думалось, легче будет? Правды без боли нет.
Люди впадают в старость. Годы впадают в Стикс.
Только принять осталось. Ну, а приняв – простить.

